

М. И. ПЫЛЯЕВ

<М. В. Ломоносов>

<Фрагменты>

<...>

На Святой неделе, сто двадцать лет тому назад, был похоронен на кладбище Невского монастыря первый русский ученый и славный писатель Ломоносов. На погребении его присутствовали два архиепископа вместе с высшим духовенством и множество знатных вельмож. В числе провожавших его был и всегдашний его антагонист Сумароков. Существует рассказ, что Сумароков, указав на покойника, сказал академику Штелину: «Угомонился, дурак, и не может более шуметь!» Штелин отвечал ему: «Не советовал бы я вам сказать это ему при жизни». Но не один Сумароков при жизни враждовал с Ломоносовым. Известно, как ревниво тормозили ему путь в деле расширения русского просвещения его товарищи по академии немцы Шумахер, Тауберт, Миллер.

После смерти Ломоносова императрица Екатерина II повелела выбить в небольшом числе золотую медаль с надписью, которую сама составила: «Российскому слову великую пользу принесшему».

Гр. А. П. Шувалов написал на его кончину оду на французском языке, в которой были превознесены заслуги Ломоносова и унижены зависть и невежество Сумарокова. Спустя несколько дней по кончине Ломоносова канцлер граф Р. И. Воронцов поручил Штелину сочинить надпись и составить рисунок монумента в флорентийском вкусе. То и другое было вскоре отослано графом в Ливорно, и на следующий год памятник был получен, сделанный из каррарского мрамора. Существующий теперь на могиле Ломоносова монумент возобновлен уже внуком гр. Р. И. Воронцова, гр. М. С. Воронцовым, в 1832 году. Все записки и бумаги Ломоносова приобрел у вдовы его граф Гр. Орлов, препоручив разобрать их секретарю Козицкому и поместить в Гатчине у себя во дворце, в особой комнате.

Вот краткое извлечение из конспекта похвального слова, набросанного на латинском языке Штелином³⁷: «Характер Ломоносова: физической отличался крепостью и почти атлетической силою³⁸. Об-

раз жизни общий плебеем. Умственной исполнен страсти к науке; стремление к открытиям. Нравственный. Мужиковат; с низшими и в семействе суров, желал возвыситься, равных презирал. Религиозные предрассудки его. Сатиры на духовных, гимн бороде. Преследует бедного Тредьяковского за его дурной русский слог».

<...>

При встречах литераторы того времени редко церемонились, и, как рассказывал сам Шувалов Тимковскому (см. его записки в «Москвитяине» 1852 г.), особенно были такими непримиримыми врагами Ломоносов с Сумароковым. «В спорах Сумароков чем более злился, тем более Ломоносов язвил его; и если оба не совсем были трезвы, то оканчивали ссору запальчивою бранью, так что я был принужден высылать их обоих, или чаще Сумарокова. Если же Ломоносов занесется в своих жалобах, то я посылаю за Сумароковым, а с тем, ожидая, заведу речь о нем. Сумароков, услышав у дверей, что Ломоносов здесь, или уходил, или, подслушав, вбегает с криком: «Не верьте ему, ваше превосходительство, он все лжет; удивляюсь, как вы даете у себя место такому пьянице, негодяю». — «Сам ты пьяница, неуч, под школой учился, сцены твои краденые!» Но иногда, — замечает Шувалов, — мне удавалось примирить их, и тогда оба были очень приятны». Примирение, впрочем, не всегда удавалось. Существует письмо Ломоносова к Шувалову от 19 января 1761 года (см. альманах «Уrania»): «Никто в жизни меня больше не избидел, как ваше высокопревосходительство: призвали меня сегодня к себе; я думал, может быть, какое-нибудь обрадование будет по моим справедливым прошениям... Вдруг слышу: помирись с Сумароковым! Т. е. сделай смех и позор! Не хотя вас оскорбить отказом при многих кавалерах, показал вам послушание; только вас уверяю, что в последний раз; ваше превосходительство, имея ныне случай служить отечеству спомоществованием в науках, можете лучшие дела производить, нежели меня мирить с Сумароковым. Не только у стола знатных господ, или каких земных владетелей, дураком быть не хочу...», и т. д.

Если Ломоносов и Сумароков всегда шумели на вечерах Шувалова, то встречались из литераторов того времени и такие, которых в обществе считали образцами светскости. К таким принадлежал всегдашний гость Шувалова, автор «Душеньки», Ипполит Федорович Богданович. Ходил он всегда щеголем во французском кафтане с кошельком на спине, с тафтяной шляпой (клак) под мышкою; если он не садился играть в карты, то всегда рассказывал о дневных и заграничных новостях. Он только не любил говорить или даже напоминать о своих стихах и был очень щекотлив насчет произведений своего пера.

После выхода «Душеньки» он сделался гостем большого света, все вельможи наперерыв приглашали его и почитали большою че-

стью, чтобы автор «Душеньки» дремал за их поздними ужинами. По выходе в свет «Душеньки» (в 1778 году) носилась молва, что Богданович не был ее автором. Злые языки говорили, что у Богдановича жил молодой талантливый человек в качестве переписчика, который, тайком от Богдановича, читал в своем кругу отрывки из своей «Душеньки». Этот молодой человек вскоре умер, оставив все свои произведения Богдановичу. Вскоре после этого времени и вышла «Душенька». Может быть, тут и говорила зависть, но современники твердили: в «Душеньке» не Богдановича перо и не его воображение. Как бы в контраст опрятному Богдановичу у Шувалова постоянным гостем бывал человек и самой неряшливой внешности — это был известный поэт Ермил Иванович Костров. Видом переводчик Гомера был человек невысокий, с лицом больным, по которому у него выступали красные пятна, особенно нос его отличался багрово-красным цветом. Платье его было всегда изношено, особенно локти всегда были протерты, зато парик его был напудрен, убран в букли и при густо на помаженной косе. Этого требовал тогда этикет... Впрочем, нередко случалось, что лицо Кострова было все засыпано мукою, букли и прическа растрепаны, и из них выпадали шпильки; коса тоже лезла из ленты и рассыпалась по плечам, а худой испачканный камзол едва держался на плечах, и сам поэт шатался.

Впрочем, Костров и трезвый был нетверд на ногах. Бекетов рассказывает: «Когда Костров шел по улице, то какая-нибудь старуха, увидев его, скажет с сожалением: «Видно, бедный больнехонькой!» А другой, встретясь с ним, пробормочет: «Эк нахлюстался!» Ни того, ни другого: и здоров, и трезв, а такая была походка!»

Дмитриев говорит, что домашние Шувалова обращались с Костровым, почти не замечая его в доме. «Однажды, — рассказывает Дмитриев, — спросил я, дома ли Ермил Иванович. Лакей отвечал: «Дома, пожалуйста сюда», — и привел меня в девичью, где девки занимались работой, а Ермил Иванович сидел в кругу и сшивал разные лоскутки. На столе возле лоскутков лежал Гомер; на вопрос, чем это он занимается, Костров отвечал: «Да вот девчата велели что-то сшить», — и продолжал свою работу».

Граф Д. И. Хвостов, известный певец Курбы, спросил однажды Кострова, отчего он так позабыл себя? «Меня не разгадали, — отвечал поэт. — Мне хотелось учить поэзии с кафедры».

<...>

